

ПРАВО И МИРОВОЗЗРЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

**С.Н. Бабурин. НРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО. РУССКИЙ ВЗГЛЯД
НА ЦЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: монография.
Москва, 2020. — 536 с.**

© 2021 г. В. И. Карасев

Академия труда и социальных отношений, г. Москва

E-mail: ksiusp@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.03.2021 г.

Аннотация. В статье представлен методологический, теоретический и практический анализ актуального теоретического исследования заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора С.Н. Бабурина «Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма». Общий вывод: исследование многоплановое, актуальное и важное как для правовой науки, так и для государственного строительства Российской Федерации. Удачное соединение социального и политического форматов делают взгляды автора полезными не только специалистам, но и широким кругам гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, политический строй, государство, вера, мировоззрение, нравственность.

Цитирование: Карасев В.И. Право и мировоззрение в современном обществе
С.Н. Бабурин. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма // Государство и право. 2021. № 7. С. 83–93.

DOI: 10.31857/S102694520016184-3

LAW AND WORLDVIEW IN MODERN SOCIETY

**S.N. Baburin. MORAL STATE. RUSSIAN VIEW ON THE VALUES
OF CONSTITUTIONALISM: monograph. Moscow, 2020. — 536 pp.**

© 2021 V. I. Karasev

Academy of labor and social relations, Moscow

E-mail: ksiusp@yandex.ru

Received 05.03.2021

Abstract. The article presents a methodological, theoretical and practical analysis of the current theoretical research of the Honored scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor S.N. Baburin “Moral State. Russian view on the values of constitutionalism”. General conclusion: the study is multifaceted, relevant and important, both for legal science and for the state construction of the Russian Federation. The breakthrough and successful combination of social and political formats makes the author’s views useful not only to a circle of specialists, but also to a wide range of civil society.

Key words: civil society, political system, state, faith, worldview, morality.

For citation: Karasev, V.I. (2021). Law and worldview in modern society S.N. Baburin. Moral State. Russian view on the values of constitutionalism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 83–93.

В периоды социальных потрясений и социальных революций интерес к широким обобщениям, отражающим глобальные параметры перемен, как и стремление найти объяснение настоящему и основания для предвидения будущего, становятся всеобщими.

Так как разнообразные социальные силы в разные исторические эпохи одобряют и порицают различные нормы и эталоны, то в актуальных сочинениях, отражающих происходящие процессы с позиций своей эпохи, преобладают то одни, то другие краски. Совершенно не похожие между собой герои, сменяя друг друга, то выходят на авансцену, то прячутся за занавесом. Прожектор исторического познания выхватывает одни ситуации и оставляет во мраке другие¹.

С этих позиций важная функция исследовательской мотивации реализуется в удовлетворении потребности, возникающей по мере развития политической деятельности и самой политики как особой сферы. Политика тесно связана с правом, с государственно-правовым регулированием различных внутренних и внешних конфликтов. Такое регулирование, опирающееся на круг широких социальных и общечеловеческих оснований, часто нуждается в особой аргументации. Обращение ко всеобщности моделирования социальной реальности во всем ее многообразии в поисках прецедента является элементом эпистемологического конструирования, обычным актом политической и юридической практики.

Познание представляет процесс отражения реальности на нескольких планах человеческого бытия и одновременно в различных пространственно-временных координатах. И это не метафора, не аллегория.

С точки зрения пространства реальности и проблемности его отражения речь идет о том, что есть реакция точечного ответа на укол среды обитания; существуют исследования, раскрывающие в проблемной плоскости веер возможностей. И только немногие научные труды способны определить многомерность объекта исследования и выделить в нем актуальную предметную область как ответ на вызов познанию в его объемной системности.

Есть конъюнктурные труды от науки, время жизни которых измеряется выплатой гонора и решением карьерного продвижения вопроса.

Основной ряд исследования, претендующий на научный характер, в том случае, если исследуются закономерности, а не пустоцветы событийных рядов, существует актуально до появления обобщающих трудов, включаясь в их объемы в качестве источников или историографической базы.

Немногие работы претендуют на длительный период актуализации, и не только в силу невозможности решения искомой проблемы, но и потому, что, поднимаясь до уровня философского осмысления, в содержательном смысле превращаются в теорию определенных социальных процессов, методологически становятся принципом познания исследуемой сферы, а как системная рефлексия позволяют определить новизну с позиций смыслов, семиотики или герменевтики.

Данный экскурс в эпистемологию не случаен. Когда последовательно прочитываешь контекст изложения взгляда автора на нравственное государство, получаешь уникальную возможность применить отмеченное к тексту монографии.

Круг за кругом, глава за главой последовательно очерчиваются контуры исследовательского дискурса, не как игра познающего ума, а как выделение точки отсчета, плоскостей веера возможностей и понимание полного объема природного, социального и человекообразного вызова, который с нарастающей силой воздействует на человека, структурные формы его организации и их ядро в политической системе — государство.

При этом поле исследования раскрывается как содержательно, через исследование проблем, процессов, институтов и событийности, так и через систему научного аппарата. Наличие ссылок, их география и отраслевая дифференциация делают подстрочники энциклопедией источниковедческой, историографической и методологической основой познания проблемы нравственного государства.

Координата времени тоже очень яркая. С одной стороны (почти по Ф. Броделю), проф. С.Н. Бабуринов вскрывает исторические пласты вписывания категории нравственности в содержание той или иной эпохи, ее роль и упущенные возможности реализации. С другой стороны, все умозаключения относительно исторических аналогий, параллелей или аллюзий подчинены актуальности вызова современной эпохи,

¹ См.: Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 9.

но явно в диалектическом цикле отрицания отрицания, устремленного в будущее².

Поэтому представляется, что в силу как еще длящегося процесса поиска решений актуализированной проблемы, так и раскрытых особенностей исследования, монография сохранится в формате познавательного времени достаточно долго, оставаясь одновременно актуальным инструментом и исторически значимым артефактом возможностей правовой мысли.

Вчитываясь в книгу, приходишь к выводу, что кризис современной цивилизации и поиск путей выхода из него выступают знаменем, точкой отсчета любой системы знания на рубеже третьего тысячелетия.

Но количество исследовательских систем, постоянно подключающихся к данной проблеме, не облегчает и тем более не ускоряет процесс ее решения, а напротив, в значительной степени затрудняет обнаружение ядра метатеории, способной с достаточной степенью вероятности описать цивилизационные процессы как онтологически, так и в прогностическом плане. Каждая из таких систем имеет определенную сферу знания³.

Ей соответствует не менее строгая шкала измерений и мерность. Действуя в этих пределах, конкретная отрасль науки имеет все шансы быть достоверной, но при проецировании своих исследовательских методов и шкалы измерения на широкий круг явлений, она сводит этот шанс до нулевой отметки. Ибо любая вещь, процесс или событие имеют определенный смысл только в пределах этой шкалы, их можно сравнивать с вещами, предметами или явлениями, имеющими пропорции, не слишком далекие от его собственных, т.е. существующих в пределах той же шкалы⁴.

² Здесь уместно заметить, что, хотя весь цикл шага спирали развития социума у автора связан с религией, есть основание говорить, что доказательность касается более широкого феномена относительно категории нравственности, — речь идет о вере как базовом условии моральных устоев гражданского общества, т.е. социальных притязаний людей, так и сферы ограничения должного во власти как политическом строе человеческого общения. При этом содержание категории не сводится к теологии.

³ См.: *Гасанов И.Б.* Новый Вавилон. Эволюция государства — от единовластия к двоеначалию. М., 2019; *Жукова Н.С.* Правовая идеология как неотъемлемый структурный элемент правосознания // *Философия права*. 2011. № 2; *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // *Государство и право*. 2016. № 4. С. 5—31; *Лазарев В.В., Липень С.В.* История и методология юридической науки / под ред. А.В. Корнева. М., 2016; *Рагимов И.М.* Религия и наказание. СПб., 2020; *Чернявский А.Г.* Идеология и мировоззрение в формировании правосознания и политической мысли // *Образование и право*. 2019. № 5. С. 63—67.

⁴ См.: *Успенский П.Д.* Новая модель Вселенной. СПб., 1993. С. 466.

Чтобы более полно представить себе горизонт методологического видения автора, необходимо увидеть контуры инструментальной матрицы представленного исследования во всем объеме возможностей гуманитарного научного знания. Надо отдавать себе отчет в том, что в природе социума не существует абстрактных общественных отношений. Есть, как в математике и философии, абстрактные методы их описания, на которые неизгладимый след налагает субъективная позиция исследователя. Великий Гегель вынужден был доказывать вечность, незыблемость и совершенство прусской монархии. Современная идеологическая составляющая экономической науки делает то же самое в отношении капитализма, особенно американского образца.

Резюмируя изложенное, можно сказать, что подобно всем упорядочивающим понятиям и принципам пределы предлагаемой методологии и, следовательно, точность терминологии зависят от выбора, производимого субъективно, и в силу этого могут представляться противоречивыми. В этом смысле важно подчеркнуть, что они представляют собой аналитические и дидактические модели, расположенные в ряду возможных представлений о реальности, в некотором смысле образы реальности, но не непосредственно реальность.

Вся монография зиждется на фундаменте универсальности мировоззренческой позиции автора, и система современного философского анализа становится проводником и доказательством предельно возможного научного описания реальности, социума и политического строя общения современных человеческих сообществ.

Конкретной системой, процессы изменений внутри которой представляются актуальными, является социальная система. Именно те события, явления и процессы, которые происходят на социальном уровне в системе межгосударственных отношений и внутри конкретных государств, их социально-экономические основы и политический процесс, идеологические модели и практическая деятельность находятся в фокусе научных интересов, имеющих отношение к обществознанию.

На этом уровне методологического формата, определяющего научную обоснованность и социальную мотивацию анализируемого труда, располагается структура и система современных обществ в ходе развернувшегося процесса их качественных изменений, который можно представить как социальную трансформацию глобального человечества.

В мировом процессе социальной трансформации имеет место диалектическая взаимосвязь всех субъектов, как процесса разделения труда, так и права, в полном объеме этого понятия. Подобная система предполагает не уничтожение элементов и форм собственной организации и управления, которых нет в объекте

(системе) сравнения, а напротив, использование всего того лучшего, что, являясь исторически и организационно адекватным внутреннему строению и содержанию общественных процессов, также всемерно способствует их историческому прогрессу.

Данное условие представляется важным с позиций приоритетов современного развития. Естественно-исторический (геополитический, социальный, идеологический, национальный, наконец) ход развития породил как внутреннюю неоднородность биосоциальной структуры человеческих обществ, так, по-видимому, и неоднородность социально-политической организации социума на макро- и микроуровнях жизнедеятельности.

В историографии методологически противоположные точки зрения опираются на классические, соответствующие этим направлениям каноны. Так, сторонники либерализма иллюстрируют теории М. Вебера, Р. Арона, К. Поппера⁵. Социал-демократия, по-прежнему, исходит из концепций К. Маркса⁶. Достаточно интересны работы Ю.В. Яковца⁷, И.М. Дьяконова⁸, В.И. Пантина⁹ и др.¹⁰

Разворачивающийся как реальная смена форм организации и структуры общества процесс социальной трансформации отражает законы движения социальной материи. В качестве таксонометрических единиц, несущих в себе признаки фрактальности, выступают системы социальных отношений политического общества — государства, общественно-экономической формации и цивилизации.

Развитие общественного разделения труда и смена конкретных форм собственности как ее результат и главным образом частной собственности (прошедшей хотя и различный по форме на Западе и Востоке, но все же единый по содержанию, дошедший до ее практически полного отрицания путь), социальной стратификации и конкретных способов государственного устройства, т.е. превращенных в своих общественных проявлениях отношений, — привели к изменению соотношения

объективных и субъективных факторов, определивших человеческое развитие как таковое.

В социальном дискурсе имеет место специфика проявления процессов самоорганизации. На онтологическом уровне она проявляется в форме дифференциации и интеграции социальных институтов; на гносеологическом — в форме дифференциации и интеграции знаний (и методов синтеза и анализа, индукции и дедукции); на аксиологическом — в виде дифференциации и интеграции социальных ценностей, идеалов.

В гуманитарных науках (и это подтверждается всем содержанием монографии С.Н. Бабурина), субъективная позиция исследователя оказывается решающей. Социум является такой структурой, элементами которой на уровне гуманитарного исследования выступают наделенные разумом и волей люди. Решения, принимаемые элементами множества, опосредуются корпоративными групповыми интересами и оформляются в качестве позитивного права в единое целое. Таким образом, и единое целое в таком случае представляется результатом субъективного выбора.

Принцип объективности применительно к социальным процессам может быть реализован только при условии соблюдения диалектики взаимодействия природных и социальных законов, социума как полной эмерджентной системы и ее частей — групп и личностей, и относительности интересов составляющих эту систему элементов — государств, наций, социальных и профессиональных групп. Только в этом случае представляется возможным преодолеть идеологическое противостояние и выйти на результаты исследования, по своей точности приближающиеся к методологии естествознания¹¹.

Проблема духовной составляющей в развитии общества одна из центральных и важных для его поступательного развития. Но не только аспект развития делает ее актуальной. Дело в том, что

⁵ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992; Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1–2; Вебер М. Избр. произв. М., 1990.

⁶ См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же. Т. 3; и др.

⁷ См.: Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995; и др.

⁸ См.: Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1993.

⁹ См.: Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.

¹⁰ См.: Иноземцев В.Л. Очерки истории общественной экономической формации: науч. изд. М., 1996; Плетников Ю. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 103–112; Циклы природы и общества: материалы VI Международ. конф.: в 2 т. Ставрополь, 1998; и др.

¹¹ Еще К. Манхейм утверждал, что мыслит не отдельная личность, а группа через индивидуальное сознание. Рассматривал эту проблему и К. Маркс, показав, что идеология является отраженным в теории коренным интересом определенного класса. В. Парето подвел под эти положения строго математическое обоснование взаимодействия «остатков» и «производных», фактически обосновав, что любая субъективная позиция суть идеологическое обеспечение группового политического интереса. В.И. Ленин уточнил понятие класса, а П.А. Сорокин расширил границы группового мышления в границах экономической, социальной и профессиональной стратификации. Так были созданы основы социодинамики, без учета закономерностей которых изучение социальных процессов является не объективно научным, а субъективно идеологическим и не может дать научного результата. Дело не в математических расчетах или статистических данных. Вопрос в том, что игнорирование диалектики и относительности снимает объективность и открывает дорогу произволу абсолютно-го субъективизма.

отсутствие той или иной формы системы социально значимых ценностей свидетельствует о вхождении общества в стадию деградации. С этих позиций данная проблема суть стержень самосохранения и национальной безопасности для любой социальной системы.

Особо актуальной тема становится в условиях нарастания следствий глобализации как проявления разворачивающей себя в социальном пространстве наличного бытия процесса универсальной социальной трансформации. Возможность корреляции внутренней имманентной для конкретного социума системы ценностей с растущим внешним влиянием составляет задачу сохранения общественной и экономической стабильности его бытия.

В том случае, когда речь идет о защищенных интересах — это область особенно — и, таким образом, касается сфер права и управления. Если же вопрос затрагивает системы отдельных интересов, требующих статуса защищенности и адекватной реализации на уровнях политической идеологии, то это проблема, относящаяся к компетенции всего общества, в том числе как реальная проблема информационной безопасности.

В целом прорисовывается нетривиальный вывод: качеством общественной (как всеобщей для данной социальной системы) или общенациональной идеологии обладает, как ни странно, только функционирующее в оптимальных границах право.

Именно этот факт представляется основанием для следующих обобщений. Термин «правовое государство» с этих позиций не вполне корректен. Ибо единственной идеологией государства является по определению именно право. Правовым или неправовым является общество возможно понять, лишь учитывая, что право есть интегрированный и защищенный интерес каждой страты в степени, достаточной и необходимой для функционирования общества как целого. Это же умозаключение применимо и к таким дефинициям, как «социальное» и «нравственное» государство¹².

Увлечись сущностью государства, автор пишет: «Разрешая в обществе классовые противоречия, выявляя и устраняя противоречия антагонистические, мы неизбежно выходим на третий уровень понимания сущности государства — как широкого комплекса механизмов по выработке и поддержанию в обществе социально-го компромисса, а в конечном итоге — консенсуса

и социальной солидарности. Отсюда современные авторы даже выводят определение государства как союза народа, объединенного законом в одно юридическое целое, управляемое верховной властью для общего блага»¹³. Вместе с тем ни компромисс, ни диктатура не являлись целью государства. Это граничные условия реализации через политическую систему конкретного политического режима коренных интересов господствующей страты (класса, сословия, группы).

В этой связи и отсылка к позиции Э. де Ясаи¹⁴ — это известный тезис М. Джиласа и М. Восленского¹⁵, опирающихся на К. Маркса в понимании грубого «казарменного социализма», где номенклатура в действительности представлена, но не классом, а сословием, присвоившим себе право на общественные интересы, от лица государственной бюрократии.

Суждение же о том, что «беда СССР — в реализации именно гегелевского понимания государства: этатизм, забвение интересов личности, ценностей этических и гуманитарных»¹⁶, лишено и сущностного, и исторического содержания, ибо этатизм — закон любого переходного периода, наряду с внеэкономическим способом принуждения и социальной утопией. Вот непонимание этих закономерностей сущности государства — преступление и поздних советских марксистских, и всех современных политических элит.

Но и это не завершающий момент анализа государства как социального феномена, который автор приводит в исследовании, более того, представляет как его интегрированный результат. Позволим достаточно обширное цитирование важных мировоззренческих выводов С.Н. Бабурина: «Поиски глубинной сущности государства как его главной идеи, выражающей самое существенное, устойчивое, постоянное в государстве, в его природе, неизбежно ведут к высшему уровню сущности, который предполагает не только рассмотрение человека как Ветца Творения, но и наличие в истории Божьего Промысла. Именно в этот момент мы поднимаемся от рассмотрения государства как правового явления к государству нравственному. В конечном счёте государство призвано, проведя людей через испытания, привести их к Спасению. Потому государство и рассматривается как «необходимая

¹³ Гавриленко В.Г., Ядевич Н.И., Изотко В.П. Правоведение: термины, понятия, определения. Мн., 1998. С. 37.

¹⁴ См.: Ясаи Э. де Государство. М., 2008. С. 387.

¹⁵ См.: Джилас М. Лицо тоталитаризма: сб.: / пер. с серб.-хорв. М., 1992; Восленский М. Номенклатура. М., 2016.

¹⁶ Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020.

¹² Самым примечательным в представленной монографии представляется то, что, несмотря на полностью противоположные доводы и отраженный в них событийный ряд, содержание рефлексии авторского мышления описывает именно так верифицируемую картину приложения определений к содержанию государственности как ядра социальной системы.

форма человеческого общежития, установленная Самим Богом (Рим. 13, 1)».

Сказанное соответствует современным представлениям науки о природе, которая воспринимается подчиненной единому плану мироздания, гармонически соединенной жизнеобразующими связями. В этой картине мира есть действующая цель, жизнь, объединяющая мир и управляющая им. В этой картине мира всё создано Высшей силой, всё подчинено плану мироздания¹⁷.

И пусть И. Кант, допуская божественную сущность, отмечал отсутствие понятия как о внутренней возможности её высшего совершенства, так и о необходимости самого её существования¹⁸, — процессы возрождения религиозного мирозерцания, усилившиеся в конце XX — начале XXI в., подтверждают, что человеческое общество развивается по спирали. Актуализируется гегелевская формула: «Государство — это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю»¹⁹.

Различение уровней сущности государства позволяет выявить не только эволюцию государства от зарождения в родоплеменном обществе до насильственного или договорного собирания общества в государственную форму, но и многослойный путь от первобытнообщинной самоорганизации — к «имперской симфонии властей»²⁰.

И далее: «Если элементами государства всегда выступают государственная власть, территория и народ, её населяющий, то они неизменны и у нравственного государства, а вот перечень признаков государства, помимо общепринятых (наличия публичной власти, суверенитета, территориальной организации государственной власти, налогов и т.д.), включает и ряд специальных.

Можно попытаться сформулировать основные признаки нравственного государства:

1) Высшие ценности общества охватывают как достоинство, свободы и права человека, так и духовно-нравственные приоритеты нации (народа).

2) Духовно-нравственные ценности общества в форме правовых категорий закрепляются в конституции, то есть государство публично принимает на себя обязанность оберегать духовно-нравственные ценности общества.

¹⁷ См.: Панкратов А. В. Единство религии и науки перед лицом глобального кризиса цивилизации: сб. докладов IX Междунар. Рождественских образовательных чтений. М., 2001. С. 267.

¹⁸ См.: Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. М., 1994. С. 403.

¹⁹ Гегель. Философия права / пер. с нем. М., 1990. С. 284.

²⁰ Философия права: курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2018. Т. 1. С. 153–175.

3) В обществе существуют и конституционно закрепляются органы публичного духовно-нравственного контроля над органами государственной власти.

4) Над деятельностью любых органов государственной и муниципальной власти осуществляется народный контроль, основы которого закреплены конституционными нормами»²¹.

Представляется, что логическая стройность данного умозаключения в условиях существующих параметров социума, не оспариваемая по существу, все-таки является идеально-типической конструкцией, как практически все теоретические описания М. Вебера, К. Маркса, А. Тойнби или О. Шпенглера. Мы в состоянии принять ее в качестве широкого поля исследования, которое уже выходит из предметности данной работы. Но отдаем отчет в том, что политическая и правовая реальность российского общества не совпадает с аналогичными логически верными конструкциями.

Таким образом, правовая наука вправе претендовать на обоснование собственного ресурса в политическом процессе, но конкретные формы юридической практики имеют качества объектов, а не субъектов государственно-политической деятельности и, следовательно, выступать источниками политики, например, уголовно-исполнительной, не могут по определению. Иное прочтение — это путь построения утопической, пусть даже «одетой» в самые новомодные математические и кибернетические методологии, модели.

Исходя из сказанного, мы можем констатировать, что всеобщую реальность права как идеи, в отличие от распространенных доктринальных воззрений, составляет не правовое, а социальное бытие. В той мере, в какой пространство правовой реальности входит в общую конструкцию объективного бытия, оно имманентно, вещно; включает в свой объем все многообразие и сложность социума, отражая в нем особенности правовой реальности как отношение права со всем спектром пространственных, временных и процессуальных взаимодействий со всеми сферами общества. Формируясь многообразием социального бытия, коммуникация социального взаимодействия отражается как идея социальных отношений в общественном сознании особым образом — как правовое мировоззрение, в определение которого входят элементы среды жизни права: нравственные, психологические, политические и другие факторы, ее составляющие. В рамках правового мировоззрения формируются такие базовые институты правосознания, как справедливость, духовность, мораль, которые и выступают основными несущими

²¹ Бабурин С. Н. Указ. соч.

создаваемой идеей права конструкциями. Правовая реальность и право, взятые как регулятор системы общественных отношений, становятся в этом случае средством управления социальными процессами. Таким образом, сферой жизни правового бытия оказывается система правовых отношений, созданная идеей права, реализованная в правовых нормах, юридическом знании, правовой культуре. Субъективное же бытие права — это отраженные в правовой идеологии правовые идеи и понятия, воплощенные в институтах права. Следовательно, допустимо суждение о том, что правовое бытие охватывает все объективное и субъективное право как нечто реально сущее.

С правовой точки зрения необходимо учитывать, что в основе любой системы норм или правил поведения лежат как объективные, так и субъективные факторы. В числе объективных факторов выделяются однотипные экономические, политические, социальные, идеологические и иные условия, способствующие созданию и функционированию системы правовых норм в социуме. Как отдельные нормы, так и их система в целом не создаются стихийно, произвольно. Они отражают объективные потребности индивида, государства и общества и проецируются на реально существующие экономические, политические и иные отношения. В этом плане, несомненно, прав был К. Маркс, когда писал, подчеркивая объективно обусловленный процесс нормотворчества, что «законодательная власть не создает закона, — она лишь открывает и формулирует его»²².

Общество, в т.ч. и гражданское, понимаемое как совокупность различных групп составляющего его населения, генерирует многообразие культурных, моральных, научных идей, составляющих в совокупности общественное сознание. Применительно к гражданскому обществу, стержнем stratификации которого является экономический признак, то оно может быть как правовым, так и неправовым, т.к. именно право выступает в качестве интегрированного и защищенного интереса каждой stratы.

И именно здесь в свои права вступает государство, понимаемое как политическое общество. Если оно поставлено на службу одной из strat, то, являясь по отношению к обществу гражданскому его функцией, государство становится идеологическим, то есть оно подчинено политической идеологии данной stratы. Место права как интегрированного интереса всего гражданского общества занимает закон как концентрированная политическая воля определенной stratы (класса). В этом случае

размывается как понятие общества и государства, так и собственно понятия права и идеологии.

Если общество в качестве публично-правового союза формирует функцию государства как функцию своего интегрированного интереса, то его единственной идеологией выступает право как доминирующая в этой сфере часть общественного сознания.

Как сторона общественного сознания, право не может быть выше экономического строя и уровня культуры данного общества. Следовательно, попытки законодательной власти сделать «правовую прививку» обществу, забегая далеко вперед складывающихся реальных отношений действительной жизни, также пагубно и опасно, как и торможение старых структур в отношении «нового права», уже подготовленного ходом истории.

И также как в любом случае государство представляет собой поздний слой отчуждения, чем социум, то в силу инерции если для членов общества (граждан) в действительности действует сила права как система ограничений, то для представителей государства (бюрократии) определяющим выступает сам закон как свод предписаний и регламентаций.

Для граждан демократического государства (общества) это означает, что для них как для источника права позволено все, что не запрещено законом.

Правовая политика имеет место быть социальным феноменом в силу того, что никакая форма политической власти не может существовать вне своего нормативно-правового обеспечения. Мы уже отметили, что обеспечивается, в т.ч. юридическим инструментарием, претензия на власть господствующими stratами или корпорациями и ее эффективная защита в случае обладания таковой политической властью.

Следовательно, если учесть определение политики, возможно существование правовой политики в предметном поле. О прочих аспектах содержания юридических дисциплин применительно к политическому полю необходимо говорить лишь как о направлениях государственной, в том числе правовой, политики в определенной сфере. То есть, если существует проблема, наличие которой улучшает или усугубляет правовой ресурс действующей власти, она посредством принятия политических решений и их реализации снимает проблему, мешающую потенциалу правового ресурса.

Вместе с тем, по нашему мнению, существует методологическая основа иного взгляда на соотношения политики и права. Так, если следовать конституционным позициям, субъектом властных политических отношений в обществе является народ, делегирующий свои полномочия демократическим

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 285.

институтам политической власти. Такая постановка проблемы делает возможным выделение в качестве сущностных не только отношения социальных групп по поводу власти, но и отношение народа к любой форме политической власти как к комплексному ресурсу жизнеобеспечения всего общества.

На уровне такого рассмотрения политика будет выступать уже как деятельность представительной функции государства по обеспечению сохранения и развития социальных отношений. В этом случае появляется возможность определения правовых аспектов политики государства.

Переходя в плоскость практической значимости и социальной и правовой практики современности, необходимо сделать ударение на том, что их трансформация носит принципиальный и качественный характер по отношению ко всему предшествующему историческому обществу, социальной реальности и ее отражению в сферах общественного сознания и человеческого бытия.

Суть проблемы заключается в том, что как тяготение надправительственных организаций к внеэкономическим формам правления, так и демагогический, либеральный фундаментализм демократии и «естественных прав», отражает ставший уже реальностью феномен переходного периода планетарного масштаба. Качественные параметры новой эквипотенциальной системы уже отбрасывают свою тень практически на любую организационно-техническую, политическую или идеологическую структуры национальных государств.

Эта тенденция актуально требует перемен в архитектонике всех сторон жизнедеятельности социумов, но в ответ и «элиты», и «охлос» демонстрируют не только неготовность ответа, но явное непонимание того, в чем, собственно, заключается вызов.

В процессе осмысления происходящих глобальных перемен, общими и похожими как конструктивно, так и концептуально, представляются как попытки позитивного анализа ситуации с проектированием основных выводов в будущее, так и их внутренняя противоречивость. Общий краеугольный камень — уже состоявшийся процесс вытеснения из сферы мыслительных способностей интеллектуалов методологических возможностей аристотелевского мышления, гегелевской диалектики, квинтэссенцией которых еще в прошлом столетии стал в воззрениях на общество исторический материализм.

Речь идет о методологическом инструментарии, той системе категориального ряда, которая позволяет рассматривать явления, факты и процессы социальной реальности в движении, многообразии

коммуникаций и, что наиболее важно, с сознательно определенных позиций той группы людей, интересы которых для исследователя представляются наиболее близкими к объективности. Это, конечно, не снимает противоречий и субъективных оценок, но позволяет не произвольно трактовать фрагменты, а в формате соизмеримости категорий социальных наук, опираясь на законы диалектики социального развития, предметно исследовать круг проблем как кластер выбора при ответе на вызов современности²³.

Предлагаемая монография проф. С.Н. Бабурина видится в ряду актуальных исследований как масштабный анализ тех таксонометрических единиц социума, которые, по Аристотелю, выступая целью движения, тем самым представляются и его истинными причинами.

Речь идет об аксиологии, т.е. введении в исследуемый ряд объективных актов и институтов права субъективных оценочных суждений, превращающий конкретный естественнонаучный вывод в мировоззрение, в глубокую и осознанную гражданскую позицию.

С.Н. Бабурин так видит существо вызова: «Не смотря на развитие цифровых технологий и даже формирование целого виртуального мира, человечество может развиваться только как глобальная разумная структура, объединяющая умы и социальные сферы при прямом межличностном общении. Человек как общественное существо остаётся человеком лишь при сохранении независимой от технологий духовно-нравственной среды существования. Интернет-технологии дают видимый человеческий контакт, но, по сути, они разъединяют людей. Он подтверждает эту мысль следующим тезисом: “Разговоры о гуманизме и о личностном начале только оттеняют обезличивание человека, утрату им цельности души и цельности жизни”²⁴, — подчеркивал Святейший Патриарх Алексий II»²⁵.

Соразмерна замыслу работы ее внутренняя архитектоника. Отмечены формат и границы возможного ответа на глобальный вызов в той его части, которая касается нравственных, т.е. собственно человеческих оснований современной

²³ См.: Карасев В.И. Философия права в контексте глобальной социальной трансформации // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 3. С. 100–122; *Его же*. Право и политика в демократическом обществе: некоторые аспекты методологии и теории современного исследования // Там же. 2019. № 1. С. 42–65; *Его же*. Общество, государство, цивилизация: к теории становления. М.— Воронеж, 2000; *Его же*. Россия: общее и уникальное в контексте мирового развития. М., 1999.

²⁴ Патриарх Алексий II. Служение делу христианского просвещения. М., 2008. С. 29.

²⁵ Бабурин С.Н. Указ. соч. С. 3.

цивилизации в правовом регулировании конкретной правовой системы России.

Автор раскрывает, как конституируются и имплементируются в формально правовые институты нравственные нормы и общественно значимые ценности и идеалы. Он выпукло показывает солидарность и консолидацию гражданского общества, делегирующего свои понятия о справедливости в корпус нормативно-правовых актов государства.

Актуально и соотношение С.Н. Бабуриным категориального ряда универсального, особенного и индивидуального как абстрактной модели взаимоотношения общества и личности в формировании нравственного потенциала государственной политики. Интересны авторские размышления о цивилизационных особенностях взаимодействия общества и государства, культуры и идеологии, морали и права.

* * *

Монография является трудом фундаментальным и многоуровневым. Древо задач, растущее из авторского замысла, порою перерастает мыслимые границы возможностей научного исследования. Вместе с тем попытка характеризовать формирование нравственного государства как условия перехода к устойчивому развитию является парадоксом, т.к. весь текст рельефно описывает, что именно неустойчивость и борьба внутренних и внешних противоречий суть имманентное свойство любого социального феномена, в т.ч. и такой сферы общественного сознания, как мораль.

В целом С.Н. Бабурин вышел на уровень граничных для правоведения вопросов, ибо имея общие точки соприкосновения и моменты взаимопроникновения, юриспруденция и мировоззренческая категория такой стороны общественного сознания, как мораль и вера представляют разные уровни отражения социального бытия и скорее всего унифицированных ответов на их вызовы в обозримой истории науки и философии не предвидится.

И наконец, существует качественная разница между верой как общением с высшим существом без различения конфессиональности и церковью как социальным институтом, выступающим провластным органом идеологического обеспечения государственных задач в сфере сознания.

Представляется, что в качестве веры духовная деятельность личностей, перерастая в гражданскую позицию, имеет место быть в качестве предмета исследования, но как социальный институт церковь есть элемент гражданского общества, волей суверена отделенный от государства и с этих позиций в формат исследования входить не может.

Тем более в нашем многонациональном и поликонфессиональном евразийском социальном пространстве.

Приведенные точки зрения по ряду вопросов хотя и существенны, но в потоке предложенного концептуального видения автора с основными проблемными полями фундаментального научного труда не конкурируют. И тем более не снижают высокого научного потенциала труда и его значения для становления правового пространства и духовной морально-нравственной сферы России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
2. Бабурин С.Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 3.
3. Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
4. Восленский М. Номенклатура. М., 2016.
5. Гавриленко В.Г., Ядевич Н.И., Изотко В.П. Правоведение: термины, понятия, определения. Мн., 1998. С. 37.
6. Гасанов И.Б. Новый Вавилон. Эволюция государства — от единовластия к двоеначалию. М., 2019.
7. Гегель. Философия права / пер. с нем. М., 1990. С. 284.
8. Джилас М. Лицо тоталитаризма: сб.: / пер. с серб.-хорв. М., 1992.
9. Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1993.
10. Жукова Н.С. Правовая идеология как неотъемлемый структурный элемент правосознания // Философия права. 2011. № 2.
11. Иноземцев В.Л. Очерки истории общественной экономической формации: науч. изд. М., 1996.
12. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. М., 1994. С. 403.
13. Карасев В.И. Общество, государство, цивилизация: к теории становления. М. — Воронеж, 2000.
14. Карасев В.И. Право и политика в демократическом обществе: некоторые аспекты методологии и теории современного исследования // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1. С. 42—65.
15. Карасев В.И. Россия: общее и уникальное в контексте мирового развития. М., 1999.
16. Карасев В.И. Философия права в контексте глобальной социальной трансформации // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 3. С. 100—122.
17. Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического

- факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право» // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
18. Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки / под ред. А.В. Корнева. М., 2016.
 19. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
 20. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
 21. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 285.
 22. Панкратов А.В. Единство религии и науки перед лицом глобального кризиса цивилизации: сб. докладов IX Междунар. Рождественских образовательных чтений. М., 2001. С. 267.
 23. Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996.
 24. Патриарх Алексей II. Служение делу христианского просвещения. М., 2008. С. 29.
 25. Плетников Ю. Формационная и цивилизационная триады // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 103–112.
 26. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1–2.
 27. Рагимов И.М. Религия и наказание. СПб., 2020.
 28. Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 9.
 29. Успенский П.Д. Новая модель Вселенной. СПб., 1993. С. 466.
 30. Философия права: курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2018. Т. 1. С. 153–175.
 31. Циклы природы и общества: материалы VI Междунар. конф.: в 2 т. Ставрополь, 1998.
 32. Чернявский А.Г. Идеология и мировоззрение в формировании правосознания и политической мысли // Образование и право. 2019. № 5. С. 63–67.
 33. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М., 1995.
 34. Ясаи Э. де Государство. М., 2008. С. 387.
 6. Hasanov I. B. New Babylon. The evolution of the state – from autocracy to duality. M., 2019 (in Russ.).
 7. Hegel. Philosophy of Law / transl. from German. M., 1990. P. 284 (in Russ.).
 8. Djilas M. The face of totalitarianism: sat. / transl. from Serbian.–Horv. M., 1992 (in Russ.).
 9. Diakonov I.M. Paths of history. M., 1993 (in Russ.).
 10. Zhukova N.S. Legal ideology as an integral structural element of legal consciousness // Philosophy of Law. 2011. No. 2 (in Russ.).
 11. Inozemtsev V.L. Essays on the history of social economic system: a scientific. ed. M., 1996 (in Russ.).
 12. Kant I. Critique of pure reason / transl. from German. M., 1994. P. 403 (in Russ.).
 13. Karasev V.I. Government, society, civilization: toward a theory of becoming. M. – Voronezh, 2000 (in Russ.).
 14. Karasev V.I. Law and politics in a democratic society: some aspects of the methodology and theory of modern study // Citizen. Elections. Power. 2019. No. 1. P. 42–65 (in Russ.).
 15. Karasev V.I. Russia: common and unique in the context of world development. M., 1999 (in Russ.).
 16. Karasev V.I. Philosophy of Law in the context of global social transformation // Citizen. Elections. Power. 2018. No. 3. P. 100–122 (in Russ.).
 17. Krotkova N.V. History and methodology of legal science (“Round Table” of the Department of theory of state and law and political science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow state University and the journal “State and Law”) // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
 18. Lazarev V.V., Lipen S.V. History and methodology of legal science / ed. by A.V. Kornev. M., 2016 (in Russ.).
 19. Marx K. On the Critique of the Hegelian Philosophy of Law // Marx K., Engels F. Essays. Vol. 1 (in Russ.).
 20. Marx K., Engels F. German ideology // Marx K., Engels F. Essays. Vol. 3 (in Russ.).
 21. Marx K., Engels F. Essays. Vol. 1. P. 285 (in Russ.).
 22. Pankratov A. V. The unity of religion and science in the face of the global crisis of civilization: collection of reports of the IX International Conference. Christmas educational readings. M., 2001. P. 267 (in Russ.).
 23. Pantin V.I. Cycles and rhythms of history. Ryazan, 1996 (in Russ.).
 24. Patriarch Alexy II. Service to the cause of Christian Enlightenment. M., 2008. P. 29 (in Russ.).
 25. Pletnikov Yu. Formational and civilizational triads // Free thought. 1998. No. 3. P. 103–112 (in Russ.).
 26. Popper K. Open society and its enemies. M., 1992. Vol. 1–2 (in Russ.).

REFERENCES

1. Aron R. Stages of development of sociological thought. M., 1992 (in Russ.).
2. Baburin S.N. Moral State. Russian view on the values of constitutionalism. M., 2020. P. 3 (in Russ.).
3. Veber M. Selected Works. M., 1990 (in Russ.).
4. Voslensky M. Nomenclature. M., 2016 (in Russ.).
5. Gavrilenko V.G., Yadevich N.I., Izotko V.P. Law: terms, concepts, definitions. Minsk, 1998. P. 37 (in Russ.).

27. *Ragimov I.M.* Religion and punishment. SPb., 2020 (in Russ.).
28. *Rakitov A.I.* Historical cognition: a system-epistemological approach. M., 1982. P. 9 (in Russ.).
29. *Uspensky P.D.* A new model of the Universe. SPb., 1993. P. 466 (in Russ.).
30. Philosophy of Law: course of lectures: textbook: in 2 vols. / ed. by M.N. Marchenko. M., 2018. Vol. 1. P. 153–175 (in Russ.).
31. Cycles of nature and society: materials of the VI International Conference: in 2 vols. Stavropol, 1998 (in Russ.).
32. *Chernyavsky A.G.* Ideology and worldview in the formation of legal consciousness and political thought / Education and law. 2019. No. 5. P. 63–67 (in Russ.).
33. *Yakovets Yu.V.* History of civilizations. M., 1995 (in Russ.).
34. *Yasai E. de* State. M., 2008. P. 387 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАРАСЕВ Валентин Иванович —
доктор философских наук, член-корреспондент
АПСН, профессор кафедры философии
и социологии Академии труда и социальных
отношений; 119454 г. Москва,
ул. Лобачевского, д. 90

Authors' information

KARASEV Valentin I. —
Doctor of Philosophy, Corresponding Member
of the APSS, Professor of the Department of
philosophy and sociology of the Academy of labor
and social relations; 90 Lobachevskogo str.,
119454 Moscow, Russia